

Р. Штейнер

Как мне найти Христа?

GA 182

WIE FINDE ICH DEN CHRISTUS?

7 лекция, 16.10.1918, Цюрих

В дополнение к тому, что мы рассматривали на прошлой неделе относительно участия в духовном мире, к которому в будущем должна стремиться человеческая душа, мне хотелось бы и сегодня более подробно и непосредственно поговорить о различных вещах. Они связаны с формой переживания Мистерии Христа, подготавливаемой благодаря идеалам, тем спиритуальным идеалам, о которых я здесь говорил недавно. Когда мы сегодня с позиций духовной науки рассматриваем человека – это будет, прежде всего, сообщением, которое получит иное освещение лишь в ходе сегодняшнего рассмотрения – итак, когда мы с точки зрения духовной науки, её сегодняшними средствами можем исследовать душевную жизнь человека, мы можем сказать, что в этой душевной жизни, поскольку она, с одной стороны, связана с физической, а с другой стороны, с духовной жизнью, отражается тройственная склонность к сверхчувственному миру. Эта тройка проявляющаяся склонность к сверхчувственному миру должна, собственно, отвергаться тогда, когда вообще ничего не хотят знать о сверхчувственном мире. У человека есть склонность познавать то, что можно назвать божественным вообще. У него есть вторая склонность – безусловно, мы говорим всегда о человеке в понятиях, соответствующих современному циклу развития – склонность познавать Христа. И третья склонность: познавать то, что обычно называют Духом или также Святым Духом. Относительно всех этих трех склонностей можно сказать: есть люди, которые их отвергают. Достаточно хорошо известно, что именно на протяжении XIX столетия в недрах европейской культуры так ничтожно мало говорилось об этих вещах, что люди вообще отреклись от божественного принципа в мире. Теперь, в рамках духовной науки, где говорится о божественном (так как в духовной науке становится несомненным тот факт, что божественное, если можно так выразиться, присутствует в сверхчувственном), можно спросить: "Что же приводит человека к тому, что он вообще отрицает божественное, что он не признает то, что называют Богом Отцом в Троице? – Здесь, как учит нас духовная наука, в каждом подобном случае, когда человек отрекается от Бога Отца, – а также вообще от божественного в мире, от того божественного, например, которое признавалось в иудейской религии – в каждом подобном случае, где божественное отвергается, обнаруживается реальный физический дефект, физическое заболевание, физический недостаток в физическом теле. Атеист должен представляться духовному исследователю в каком-то отношении больным. В действительности эту болезнь врачи не лечат; ведь они сами зачастую болеют этой болезнью – болезнью, которая как таковая не

признана современной медициной. Однако это такая болезнь, которую обнаруживает в человеке духовная наука, когда человек отрицает то, что он должен чувствовать в настоящее время не посредством своего душевного, а посредством своего телесного организма. Если он отрицает то, что говорит, что подсказывает ему здоровое чутье его тела – что божественное пронизывает собой мир – такой человек, согласно представлениям духовной науки, болен, болен телесно.

Существует много людей, отрицающих Христа. Отрицание Христа духовная наука должна рассматривать как нечто такое, что, собственно говоря, представляет собой вопрос судьбы и касается жизни человеческой души. Отрицание Христа духовная наука должна считать несчастьем; отрицание Бога есть болезнь, отрицание Христа есть несчастье. Возможность найти Христа есть, в известном смысле, вопрос судьбы, в известном смысле, есть нечто такое, что должно отражаться в карме человека. Это беда, что не имеют никаких связей с Христом. Отрицание Духа, или Святого Духа, означает тупость собственного духа. Человек состоит из тела, души и духа. И каждая из этих составляющих может иметь дефект. Атеист из-за своего отношения к божественному болен реальной физической болезнью. Не находить в жизни связи, позволяющей нам познать Христа, это несчастье. Неспособность обнаружить Дух внутри себя, в известном смысле, идиотизм, пусть даже утонченный, но еще не признанный идиотизм.

Теперь, мои дорогие друзья, речь идет о том, чтобы задаться вопросом: как человек находит Христа? И именно сегодня мы хотим поговорить о пути ко Христу, к которому мы можем подойти в нашей жизни нашей человеческой душой. Часто можно слышать от душ, от серьезно ищущих душ: Как мне найти Христа? Можно заняться этим вопросом и получить вразумительный ответ, конечно только когда рассматриваешь его в определенной исторической взаимосвязи. Мы хотим поставить перед нашей душой историческую взаимосвязь, ведущую нас в сегодняшнем рассмотрении к ответу на вопрос: "Как мне найти Христа?" Мы знаем, что наша сегодняшняя историческая эпоха началась – с позиций духовной науки – в XV столетии, точнее говоря, с 1413 года. Однако, когда такого рода уточнения не хотят делать, можно сказать: в XV веке душевная жизнь приняла такую форму, какую можно наблюдать сегодня. Когда в новой истории не допускают такого понимания, то это имеет основание только в том, что новейшая история рассматривает лишь внешние факты и не имеет никакого понятия – будучи по своей природе лишь удобной сказкой – о том, что как только мы возвращаемся назад за XV столетие, то узнаем, что люди по-другому думали, по-другому чувствовали, действовали, по-другому побуждались различными импульсами. Они радикально отличались в своей душевной жизни от современных людей. Эпоха, которая закончилась в 1413 году, началась в 747 году до Р.Х. , стало быть, в VIII веке до Р.Х. То, что мы с позиций духовной науки называем греко-латинской культурой, начинается с 747 г. до Р.Х. В эту культурную эпоху (в первой ее трети) разыгралась, как мы это уже знаем, Мистерия Голгофы.

Мистерия Голгофы, как вы это знаете, была для многих людей на протяжении столетий поворотным пунктом в их чувствах, в их мышлении. Мистерия Голгофы была особенно прочувствованно воспринята душой в те времена, которые предшествовали новому времени, XVI, XVII и т.д. столетиям. Тогда началась та эпоха, в которой началось массовое чтение Евангелий. Тогда

начался и спор о том, являются ли Евангелия действительно историческими документами. И эта дискуссия, вы это знаете, сегодня в самом разгаре. Сегодня мы хотим заняться не отдельными фазами этого спора, который особенно большую роль играет в сфере протестантской теологии, мы хотим перед нашей душой поставить лишь то, что сегодня может быть сказано о том, чего хотят, собственно достичь этим спором о Мистерии Голгофы.

В материалистический век привыкли все доказывать на материалистический лад. В истории доказательством называют то, что подкреплено документами. Где находят документы, там соглашаются, что историческое событие, о котором эти документы говорят, действительно имело место. Для Евангелий нет, вероятно, таких доказательств. Вы знаете из моей книги “Христианство как мистический факт”, что представляют собой Евангелия; они нечто совсем иное, чем исторические документы. Они – инспиративно написанные книги, книги, оставленные посвященными. Раньше их принимали за “исторические документы”, теперь же благодаря действительно исследованию, установлено, что они не исторические документы. Теперь пришли к тому, что все остальные письменные свидетельства, находящиеся в Библии, не являются историческими свидетельствами. А известный теолог, незаслуженно известный теолог Адольф Гарнак, установил в результате нового исследования Библии, что то, что исторически можно узнать о личности Иисуса Христа, может быть записано на четверти листа. (Примечание: Гарнак (1852-1930), либеральный Евангелический историк Церкви, написал книгу «Сущность Христианства»). Одно только правильно, если мне позволено выразиться парадоксально, это тоже неправда! То, что было бы написано на этой четверти листа, также было бы неправдой! Истинно только то, что вообще нет ни одного действительно достоверного документа о Мистерии Голгофы. Если спросит сегодня историк: Можно ли доказать историчность Мистерии Голгофы? – то с точки зрения сегодняшней истории следует сказать: это невозможно доказать внешними средствами. Такое положение дел, мои дорогие друзья, имеет все же свою хорошую сторону. Мистерию Голгофы по воле божественной мудрости, я бы сказал, совершенно невозможно доказать внешними материалистическими средствами! Это нельзя сделать по той простой причине, что Мистерия Голгофы как наиважнейшее событие, которое имело место на Земле, должна постигаться только сверхчувственным образом. Тот, кто хочет здесь найти внешнее материалистическое доказательство, как раз его не найдет. Благодаря своему критическому настроению он придет только к тому, что не найдет подобного доказательства. Именно в связи с Мистерией Голгофы человек должен решиться и признаться себе: я должен прибегнуть к помощи сверхчувственного, или я вообще не смогу обнаружить Мистерию Голгофы. Мистерия Голгофы должна заставить человеческую душу помимо каких бы то ни было чувственных документов найти путь к сверхчувственному. Имеются веские причины для того, чтобы Мистерию Голгофы не нужно было доказывать ни естественнонаучно, ни какими-либо историческими исследованиями. На долю духовной науки выпадает важная роль: в то время, когда всякая внешняя наука, всякая лишь на чувствах основанная наука должна признаться, что она никак не может подойти к познанию Мистерии Голгофы, когда сама теология, поскольку она настроена критически, ведет себя не по-христиански, именно духовная наука приведет к познанию Мистерии Голгофы. Но путь к Ней лежит через сверхчувственное познание, о котором мы уже часто писали.

Теперь мы можем спросить себя: каково было состояние человечества, когда разыгралась Мистерия Голгофы в четвертой послеатлантической греко-латинской культурной эпохе? Теперь, дорогие друзья, вы знаете, что означает эта эпоха. Человечество развивается с течением времени таким образом, что оно переживает различные уровни своего существа. Вы знаете, что в египетско-халдейскую эпоху, которая закончилась в 747 г. до Р.Х., в развитие человека вошло то, что теперь называют душой ощущающей; в греко-римскую эпоху – то, что называют душой рассудочной или душой характера, и с 1413 г. нашего послеатлантического времени входит то, что называется душой сознательной. Таким образом, мы можем сказать: сущность греко-латинской культуры, длившейся с 747 г. до Р.Х. вплоть до 1413 г. после Р.Х., состояла в том, что человечество приводилось к тому – если мы можем выразиться по Лессингу – чтобы свободно пользоваться душой рассудочной или душой характера.

Спросим себя еще раз: Когда была середина этой эпохи? Можно согласиться со следующим: если от 747 г. до Мистерии Голгофы и до 1413 г. длилась эта эпоха, то она имеет середину, до которой душа рассудочная или душа характера развивалась до какой-то степени по восходящей линии, а затем стала развиваться по нисходящей. Этот момент, то есть середина – вы легко можете вычислить – есть триста тридцать третий год после Р.Х. Триста тридцать третий год является очень важным по своему значению для всего человеческого развития, серединой греко-латинской культуры. Триста тридцать три года назад от этой середины лежит рождение Христа, лежит также то, что вело к Мистерии Голгофы.

Мы можем только тогда правильно оценить положение, в котором находится все человечество, когда спросим себя: Что случилось бы, если бы не произошла Мистерия Голгофы? Только тогда мы можем правильно оценить то, чем по своему значению была Мистерия Голгофы для всего человечества, когда спросим себя: Что случилось бы, если бы не было Мистерии Голгофы? Естественно, что без Мистерии Голгофы человечество пришло бы к середине четвертой послеатлантической эпохи, то есть к 333 г. н.э., только благодаря собственным элементарным силам. Оно развило бы из себя все способности, которые присущи душе рассудочной или душе характера. Человечество приобрело бы их в следующих столетиях.

Однако в связи с Мистерией Голгофы это пошло коренным образом по-другому. Произошло совсем другое, и случилось нечто грандиозное. Если мы обратимся к Мистерии Голгофы, то мы сможем – чтобы охарактеризовать это особое событие, давшее Земле совершенно особый смысл – взглянуть на Нее как на наиважнейшее событие и признать с этой позиции: к познанию Мистерии Голгофы ведет только сверхчувственное познание, к Ней ведет только сверхчувственный путь. В чем же он, собственно, выражается? Он выражается в том, что несмотря на то, что в четвертой послеатлантической эпохе, около 333 г. н.э., человек приблизился к высочайшему расцвету развития души рассудочной или души характера, он, между рождением и смертью, живя в условиях физической жизни, был вообще далек от понимания Мистерии Голгофы своими человеческими силами. В том то и дело, что хотя мы и можем развиваться и дожить до преклонных лет, мы не можем постичь смысла Мистерии Голгофы силами, которые развиваем в течение всей жизни между рождением и смертью! Отсюда следует также то, что современники,

любимые современники, ученики, апостолы Иисуса Христа, могли понимать – насколько они должны были понимать – что совершается с Иисусом Христом, которого они окружали, могли понимать только потому, что они в определенном смысле были одарены атаквистическим ясновидением (о чем я часто говорил) и благодаря этому ясновидению понимали Того, Кто был среди них. Собственными человеческими силами им бы это не удалось. И они, евангелисты, тогда написали Евангелия при помощи древних атаквистических ясновидческих сил, а не при помощи обычных человеческих сил, которые они прежде развили естественным образом.

Но душа человека развивается и дальше, и даже после того, как она прошла врата смерти, развивается после смерти; укрепляя свои силы понимания, она все больше и больше учится понимать.

Теперь ясно, что современники Христа, подготовленные своей любовью ко Христу для жизни во Христе после своей смерти, впервые благодаря своим собственным человеческим силам полностью осознали смысл Мистерии Голгофы лишь в третьем столетии после Мистерии Голгофы. Таким образом, ученики и апостолы Христа после смерти продолжали жить дальше в духовном мире; и в то же время, когда они жили в духовном мире, росли их силы, точно так же, как они растут здесь. Таким образом, мы в момент смерти не настолько близки к тому, чтобы иметь такое понимание, какое мы будем иметь через два столетия после смерти. Современники Христа, находясь в духовном мире, сами познали то, что они пережили на Земле 200-300 лет тому назад. И из духовного мира они инспирировали тех людей, которые находились здесь, внизу на Земле.

Прочтите с этой точки зрения то, что написали так называемые отцы церкви во втором, в третьем столетиях, когда началось инспирирование в действительном смысле слова, тогда вы придете к пониманию того, что написано отцами церкви о Иисусе Христе. То, что было результатом инспирации умерших современников Христа, стало записываться в третьем столетии после рождения Христа. Удивительные вещи говорили эти люди об Иисусе Христе в третьем столетии – вещи, которые частично для сегодняшних людей действительно непонятны (мы и в дальнейшем будем говорить об этих сегодняшних людях). Я хочу упомянуть одного человека – я мог бы упомянуть также и другого, но я хочу упомянуть того, к которому совершенно пренебрежительно относится современная материалистическая культура – об этом человеке говорит эта материалистическая культура, что он, якобы, сказал ужасную фразу: "Я верю в то, что безумно, а не в то, что разумно" (*Credo quia absurdum est*. Буквальный перевод: Верю, ибо абсурдно.). Тертуллиана хочу я упомянуть.

Когда цитируют Тертуллиана, который жил примерно в то время, когда началось инспирирование из высших миров умершими современниками Иисуса Христа, и который мог как человек находиться под влиянием этой инспирации, когда по настоящему читают этого Тертуллиана, то получают особенное впечатление. Естественно, он писал так, как должен был писать согласно своей человеческой конституции. Можно иметь хорошие инспирации, однако они всегда осознаются, проявляются так, как их могут понять. Тертуллиан давал инспирации не совсем в чистом виде, он их давал так, как позволял ему его человеческий мозг; во-первых, это происходило потому, что он жил в бренном теле и, во вторых, потому, что он был в

определенной степени страстным и фанатически настроенным человеком. Он писал таким образом, как у него это получалось, а это выходило в высшей степени замечательно, если это рассматривают с истинной и правильной точки зрения.

С этой точки зрения Тертуллиан выступает нам навстречу не как высоко литературно образованный римлянин, а как писатель, обладающий великолепными речевыми силами. Можно прямо-таки сказать: Тертуллиан впервые сделал латинский язык доступным христианству. Он впервые смог так темпераментно и с такой святой страстью воспламенить этот прозаический, непоэтический, чисто риторический латинский язык, что в работах Тертуллиана непосредственно ощущается жизнь души, особенно в его труде "De carne Christi" , "О плоти Христа", а также в том труде, где он пытался опровергнуть то, в чем обвинялись христиане. Они описаны с чувством святого рвения и великолепным языком. И Тертуллиан как римлянин, это подтверждает его книга "De carne Christi", относился без какого-то предубеждения к Римской империи. Он находил великолепные слова, защищая христиан от преследователей римлян. Он осуждал истязания, причиняемые христианам для того, чтобы они отказались от своей принадлежности к Иисусу Христу. Тертуллиан осуждал эти истязания так страстно, что говорил: Разве ваше поведение как судей по отношению к христианам не доказывает вполне, что вы не правы? Когда вы судите христиан, вам приходится изменять весь ход суда, который обычно бывает у вас. Обычно вы истязаниями принуждаете свидетелей не отречься; вы принуждаете его, чтобы он дал правдивое показание, сказал, что он в действительности думает. С христианами вы поступаете наоборот: вы подвергаете их пыткам, чтобы они отрицали то, что они считают верным. Вы, как судьи, ведете себя по отношению к христианам совершенно не так, как вы должны, будучи судьями, вести себя. Обычно вы пытаетесь узнать правду с помощью пытки, а от христианина требуете лжи. И подобными этими словами говорил Тертуллиан о многом. Его слова действительно попадали в цель, били не в бровь, а в глаз.

Можно добавить, что он был мужественным, сильным человеком, видевшим насквозь и изображавшим ничтожность римского богослужения; кроме того, он был человеком, который во всем, что бы он ни писал, выказывал свои связи со сверхчувственным миром. Он говорил о сверхчувственном мире так, что видно: этот человек знает, что говорить о сверхчувственном мире. Он говорил о демонах так, как он говорил о своих знакомых, которые жили как люди. И он говорил о демонах, например, так: "Спросите демонов, является ли Христос, Тот, в Которого веруют христиане, истинным Богом, по-настоящему истинным Богом? Поставьте-ка настоящего христианина перед одержимым демонами, одержимым, из которого говорит демон, тогда вы увидите, если вы заставите его говорить, он вам признается, что является демоном, так как он говорит правду". (Тертуллиан знал, что демоны не лгут, когда их спрашивают.) "Но демоны вам также скажут, когда Христос их действительно извлекает из сознания одержимого, что Христос есть Бог. Только они Его ненавидят, так как они противостоят Ему. Вы узнаете от демона, что Христос есть настоящий Бог". Итак, Тертуллиан опирался не только на мнение людей, но и на свидетельство демонов. Таким образом, он говорит о демонах как о свидетелях, которые не только говорят, но которые также знают, что Христос есть истинный Бог. Все это Тертуллиан говорит из своего существа.

Имеются все основания, знакомясь с Тертуллианом как с писателем, спросить: а каким, собственно, было глубинное душевное исповедание Тертуллиана, который был внутренне захвачен только что описанной вам инспирацией? Глубина душевного познания Тертуллиана действительно является поучительной, ибо Тертуллиан уже предчувствует нечто, что много лет спустя раскроется человечеству. В основном познание Тертуллиана относительно человеческой природы сводилось к трем положениям. Во-первых, человеческая природа такова, что она в настоящее время (то есть время, в котором жил Тертуллиан, а это конец второго столетия после Р.Х.), что она как таковая может обречь себя на позор, отрекшись от величайшего земного события. Когда человек следует сугубо своему субъективному подходу, у него нет возможности прийти к величайшему земному событию. Во-вторых, душа человека слишком слаба, чтобы постичь это величайшее земное событие. В-третьих, человеку совершенно невозможно, если он следует только тому, что позволяет ему его смертное тело, обрести связь с Мистерией Голгофы.

Этими тремя положениями примерно и характеризуется верование Тертуллиана. Основываясь на них, Тертуллиан говорил: "Распят был Сын Божий; в этом нет ничего позорного, потому что это позорно". "И умер Он; в это верят потому, что это безумно". "*Prorsus credibile est, quia ineptum est*", "Потому-то и верят, что это безумно" – это предложение стоит у Тертуллиана. Другое предложение, которое ему приписывает мир, следующее: "*Credo, quia absurdum est*" (Верю, потому, что абсурдно). Это не говорилось ни Тертуллианом, ни каким-либо другим отцом церкви, однако это в то время говорили. Большинство людей не знает о Тертуллиане ничего кроме последнего высказывания, которое не является подлинным. И третье положение: "И погребенный восстал (говорит Тертуллиан), так как это невозможно. Мы должны верить в это, так как это невозможно". Конечно, современному, достаточно рассудительному человеку эти три сделанные Тертуллианом высказывания покажутся чем-то ужасным. Нужно только представить такого самого что ни на есть сегодняшнего материалистически образованного человека, который слышит, как кто-то говорит: "Христос был распят: мы должны в это верить, ибо это позорно; Христос умер; мы должны в это верить, ибо это глупо. Христос поистине воскрес: мы должны в это верить, ибо это невозможно". – Можно себе представить, как будет сегодня относиться к таким высказываниям истинный последователь монистического мировоззрения!

Однако, что же имел в виду Тертуллиан? Тертуллиан, благодаря действующей инспирации, стал настоящим знатоком людей и познал путь, по которому в его эпоху развивалась человеческая природа. Вы знаете, что человечество шло навстречу наступающим столетиям четвертой послеатлантической греко-римской культурной эпохи. Ровно через столько же лет, на сколько Мистерия Голгофы предшествовала середине этого периода, 333-му году, ровно через столько же лет после этого времени определенные духовные власти вознамерились направить земное развитие по совершенно другому пути, нежели тот, по которому оно должно было пойти вследствие Мистерии Голгофы. 333 года после 333-го года дают нам 666 г.; это и составляет число лет, о котором столь темпераментно говорит автор Апокалипсиса. (Примечание переводчика: за исходную точку берется здесь середина периода от 0 до 666 г., то есть 333 г. по Р.Х. За 333 года до нее произошло

рождение Иисуса (а не Мистерия Голгофы), спустя 333 года после нее был 666 год). Почитайте соответствующие места, где автор Апокалипсиса говорит о том, что связано с числом 666! Тогда по замыслам определенных духовных сил с человечеством должно было произойти нечто, и произошло бы, если бы не разыгралась Мистерия Голгофы. Тот нисходящий путь, который предназначался человечеству с 333 г. – вершины души рассудочной или души характера – этот нисходящий путь был бы использован для того, чтобы ввести человечество в совсем иной фарватер, чем тот, каким оно должно было идти согласно намерениям тех божественных существ, которые были связаны с ним изначально, со времени древнего Сатурна. Это должно было произойти вследствие того, что нечто, что лишь позднее должно было возникнуть в человечестве, душа сознательная с ее содержанием, с помощью своего рода откровения была бы дана человечеству уже в 666-м году. В случае, если бы это произошло, были бы действительно осуществлены намерения определенных, противостоящих развитию человечества, однако желающих завладеть этим развитием, существ, и в этом случае человечество в 666 г. было бы застигнуто врасплох, было бы наделено душой сознательной так, как это будет лишь много времени спустя после наших дней.

Подобные события могут происходить именно потому, что враждебно настроенные существа препятствуют Богам, с любовью относящихся к человеку. Намерения хорошо относящихся к человеку духовных существ, предназначенные для более позднего периода, злые существа пытаются реализовать раньше и сделать это тогда, когда человечество еще не созрело для этого. Но что впервые должно было бы происходить лишь с середины нашей эпохи, то есть через 1080 лет после ее начала в 1413 г., то есть в 2493 г., – когда человек должен будет продвинуться в сознательном постижении своей личности, – это ариманически-люциферическими силами должно было быть привито человеку в 666-м году.

Чего же хотели добиться тем самым эти существа? Они хотели наделить человека душой сознательной и благодаря этому привить ему такую природу, которая сделала бы для него невозможным находить дальнейший путь к Самодуху, Жизнедуху и Духочеловеку. Тогда они отрезали бы человеку путь к его будущему и повели бы его развитие совсем по другому пути.

История не пошла по этому пути, тенденция к которому была намечена, не пошла по феноменальному, великолепному, но, тем не менее, дьявольскому пути; впрочем, следы его все же остались в истории. Следы смогли остаться потому, что произошли вещи, о которых можно сказать только одно: люди совершают их на Земле, но совершая их, они, собственно, всегда являются исполнителями того, что известные духовные существа выполняют посредством людей. – Таким человеком, своего рода исполнителем воли духовных существ, был император Юстиниан I (527 -565 гг.). Он был врагом всего того, что пришло из высокой мудрости греков, и закрыл в 529 г. Афинскую школу философии, так что последние остатки греческой учености, с ее высокой аристотелевско-платоновской мудростью были высланы и спаслись, убежав в Персию. В Нисибин еще раньше, когда Зенон Исаврянин в V столетии изгнал таких же греческих мудрецов из Эдессы, туда же бежали и сирийские мудрецы. (Примечания: Нисибин – русская транскрипция для города Nisibis; Zeno Isauricus, император с 474 по 491 гг.; когда в 489 г. Эдесская школа была закрыта, ее преподаватели переселились в Персию, в

школы Нисибина и Гондишапура.) Таким образом, к 666 году в персидской академии собралась ученость, перешедшая из древней Греции и совершенно игнорировавшая Мистерию Голгофы. В академии Гондишапура обучали те, кого инспирировали люциферически-ариманические силы. Если бы случилось то, что должен был принести с собой для человечества 666 г., если бы это случилось, то для людей был бы отрезан путь для предусмотренного, но более позднего развития. Если бы возвышение человечества произошло к 666 году, если бы намерения академии Гондишапура осуществились, то в VII столетии повсюду здесь и там выступили бы высокообразованные и из-за своей высокой образованности чрезвычайно гениальные люди, которые странствовали бы по Северной Африке, Западной Азии, Южной Европе, по Европе вообще и повсюду распространяли бы культуру 666 г., исходящую из академии Гондишапура. Эта культура должна была, прежде всего, делать ставку на личностное в человеке, привить ему душу сознательную. Но эти замыслы не осуществились. Развитие мира уже пошло по другому пути. Поэтому вся сила удара, который должен был быть нанесен западной культуре академией Гондишапура, была ослаблена. И вместо того, чтобы появилась мудрость, по сравнению с которой все то, что мы сегодня знаем о внешнем мире, было бы сущим пустяком – вместо того, чтобы появилась мудрость благодаря интуиции, духовно познающей обо всем том, что будет достигнуто лишь в 2493 г., посредством эксперимента и естественных наук, все это появилось в виде блестящей великолепной учености и осталось тогда как часть в том, что арабская ученость принесла в Испанию. Однако влияние этой учености было также ослаблено. Это не осуществилось так, как было задумано, а было ослаблено. И вместо этого появилось магометанство, остался Мухаммед со своим учением, и вместо того, что должно было прийти из академии Гондишапура, пришел только Ислам. Мир благодаря Мистерии Голгофы был отведен от этого пагубного для него направления.

И не осуществилось это потому, что Мистерия Голгофы не только свершилась ранее, но из-за того, что эта Мистерия Голгофы произошла как такое событие, которое не может быть понято обычными человеческими силами до самой смерти. И поэтому в среде западноевропейского человечества имело место то, о чем я уже говорил: происходила инспирация со стороны умерших, которую мы замечаем у Тертуллиана и многих других. Вследствие этого чувства людей были направлены к Мистерии Голгофы, и вместе с тем человечество было направлено совсем по другому пути, не по тому, который исходил от академии Гондишапура. Так было предотвращено распространение высокой, но дьявольской мудрости, которая была целью академии Гондишапура. Для блага человечества распространению указанной мудрости помешали. Осуществилось многое из того, что было инспирировано умершими, и человечество было предохранено от принятия в душу того, что должно было бы совершиться, если бы академии Гондишапура повезло в ее намерениях.

События, вроде тех, что связаны с академией Гондишапура, до некоторой степени происходят за кулисами внешнего мирового развития. Подобные вещи протекают в сверхчувственном. Люди находятся в связи с ними, но сами события разыгрываются в сверхчувственном. Поэтому ни описанные события, ни то, что являлось целью академии Гондишапура, ни событие Мистерии Голгофы нельзя исследовать на основании только того, что происходит на физическом плане. В такого рода событиях, если мы хотим их

охарактеризовать, мы должны изучить их гораздо глубже, чем это обычно делается.

У человечества осталось нечто от того, что тогда должно было произойти и что было только ослаблено, и из этого величественного образовался фантастический, жалкий Ислам! С человечеством нечто случилось. Случилось то, что человечество, на которое подействовал импульс Гондишапура, – этот новоперсидский импульс, несвоевременно извлеченный импульс Заратустры – что все человечество, если можно так выразиться, если выразиться тривиально, внутренне “хрустнуло” вплоть до своей телесности! И тогда, мои дорогие друзья, человечество получило импульс, который проник вплоть до физического тела, импульс, с которым мы до сих пор еще рождаемся. Он, собственно, подобен тому, который я только что охарактеризовал. Человечеству была привита болезнь, которая, если она развивается в нем, то приводит к отречению от Бога Отца.

Итак, поймите меня правильно: человечество, являясь цивилизованным, имеет сегодня в теле жало. Святой Павел очень много говорил об этом жале. Человечество несет в своем теле жало. Святой Павел очень много говорит об этом пророчески. Он имел его как далеко ушедший вперед человек того времени, в то время как другие получили его лишь в VIII веке после Р.Х. И это жало будет еще дальше распространяться и делаться все более значительным. Изучая сегодня какого-нибудь человека, отдавшегося совсем этому жалу, этой болезни – потому что это жало в физическом теле есть настоящая болезнь – мы видим, как он становится атеистом, человеком, отрицающим Бога, отрицающим Божественное. Предрасположенность к атеизму имеет, собственно, всякий человек, принадлежащий современной цивилизации. Речь лишь о том, поддается ли он этому. Человек несет в себе болезнь, которая побуждает его отрицать Божественное, в то время как он, собственно, по своей природе должен был бы признать существование Бога. Эта природа в известном смысле минерализовалась и отброшена назад в своем развитии, так что мы все продолжаем носить в себе болезнь отрицания Бога.

По своей природе болезнь отрицания Бога по-разному проявляется в человеке. Благодаря этой болезни отрицания Бога создается еще более тесная связь между душой человека и его телом, чем прежде и чем это свойственно, собственно, человеческой природе. Душа словно еще больше сковывается телом. И в то время как душа, по своей собственной сущности, не predeterminedена разделять судьбу тела, она, благодаря указанной болезни, стала бы все больше и больше зависеть от судеб тела, а также от судеб рождения, наследственности и смерти.

Этого же самого, но в более дилетантской форме, добиваются некоторые современные тайные общества. Тогдашние мудрецы Гондишапура стремились сделать человека на Земле очень сильным, очень мудрым, но сделать это так, чтобы душа человека, будучи полна этой мудрости, стала причастной смерти, чтобы у него не осталось желаний, проходя через врата смерти, принимать участие в духовной жизни в последующих инкарнациях. Гондишапурские мудрецы хотели задержать дальнейшее развитие человечества. Они хотели в своих целях поставить человека в другой мир, не дать ему жить земной жизнью, отвлечь его от того, чему он должен научиться в течение медленного, постепенного развития и благодаря чему он должен прийти к

Самодуху, Жизнедуху и Духочеловеку. Душа должна была бы еще теснее связаться с Землей, чем ей было предопределено. Смерть, предназначенная только нашему телу, была бы в определенном смысле предопределена также и душе. Этому противодействовала Мистерия Голгофы. Человек породнился со смертью, но благодаря Мистерии Голгофы он был избавлен от этого родства. Если, с одной стороны, определенное течение в мировом развитии способствовало росту еще более тесной связи человеческой души с физическим телом, чем это было предписано человеку, то Христос, способствуя равновесию, еще более усилил связь души с Духом, чем это было предопределено. Таким образом, благодаря Мистерии Голгофы человеческая душа стала ближе к Духу, чем ей было предопределено. Это, дорогие мои друзья, позволяет нам правильно вникнуть в то, как была связана Мистерия Голгофы на протяжении столетий с наивнутреннейшими силами человеческой природы. Нужно суметь сравнить связь, предопределенную человеку Ариманом и Люцифером, связь между телом и душой со связью между душой и Духом, если хотят исторически верно подойти к Мистерии Голгофы. Католическая церковь, находившаяся в более сильной степени под влиянием остатков импульса академии Гондишапура, чем другие церкви, в 869 году на вселенском Соборе в Константинополе догматически постановила, что не надо верить в дух; эта церковь не желала сколько-нибудь осветить значение Мистерии Голгофы, а пыталась ещё больше сгустить тьму вокруг неё. Католической церковью в 869 г. был отменен Дух. Догма, которая там была принята, гласит: не следует верить в Дух, а только в душу и тело, и душа имеет в себе нечто духовное. Но что человек в действительности состоит из тела, души и духа, этот факт католическая церковь упразднила. Это упразднение Духа произошло непосредственно под влиянием импульса Гондишапура. История всё же движется иначе, чем охотно хотели бы её сделать – историей для домашнего пользования.

Человек благодаря Мистерии Голгофы стал следовательно причастен Духу. В силу этого в человеке существуют две силы: сила, которая душевно роднит человека со смертью, и та сила, которая снова освобождает его от смерти и внутренне ведет его к Духу. Что же это за сила? Я вам говорил: отрицание божественного является своего рода болезнью в человеке. Это своего рода болезнь, которую мы имеем как члены цивилизованного человечества, и имеем ее лишь благодаря нашему телу. Итак, отрицать Бога есть болезнь, говорит духовная наука. И мы больны этой болезнью. Мы не отрицаем (если правильно себя понимаем) Бога только тогда, когда снова находим Его благодаря Христу. И как в нашем теле имеется болезнь, которая ведет к отрицанию Бога, так в нас есть оздоравливающая целительная сила (как я часто говорил об этом), сила, изливаемая на нас Мистерией Голгофы. И Христос для всех нас является в самом истинном смысле слова Спасителем, Врачевателем той болезни, которая может привести человека к отрицанию Бога. Он есть Врачеватель той скрытой болезни, которую я вам сейчас охарактеризовал.

Наше время является действительно во многих отношениях повторением тех времен, в которые происходила Мистерия Голгофы, отчасти неся в себе последствия происшедшего в 333 и в 666 годах. Это совершенно определенные последствия. Вы только тогда правильно поймете Мистерию Голгофы, когда вы дадите себе отчет в следующем: нельзя понять эту Мистерию силами, которые даются человеку как следствие его физического существования, от рождения до смерти в физическом теле. Даже

современники, апостолы, смогли уяснить себе значение Мистерии Голгофы из своих собственных человеческих сил только в третьем столетии, спустя несколько столетий после их смерти. Но все такие вещи претерпевают развитие, благодаря чему происходит то или иное. А произошло следующее. Мы с вами, дорогие друзья, находимся совершенно в других условиях, чем современники Христа или жившие вплоть до VII в. после Р.Х. Мы уже живем в пятой послееатлантической эпохе и далеки от того времени, мы живем в XX столетии. Это имеет своим следствием то, что при воплощении души и переходе из духовного мира в физический, мы, в свою очередь, столетиями раньше переживаем нечто в духовном мире. И как современники Мистерии Голгофы столетия спустя пришли к полному пониманию Мистерии Голгофы, мы тоже переживаем нечто вроде отражения Мистерии за несколько столетий до того, как мы рождаемся. Это касается только современного человечества. Современные люди, рождаясь в физическом мире, приносят нечто вроде отражения (отблеска) Мистерии Голгофы, как отражение того, что переживалось в духовном мире столетия спустя после Мистерии Голгофы. Теперь этот импульс не может созерцать тот, кто не обладает сверхчувственными способностями, но все могут воспринять в себе воздействие этого импульса. И когда его переживают, тогда находят ответ на вопрос: как мне найти Христа?

Для этого необходимо следующее переживание. Тогда находят Христа, когда переживают следующее. Во-первых, ощущают переживание, при котором говорят себе: я хочу настолько усовершенствоваться в самопознании, насколько это возможно для моей совершенно индивидуальной человеческой личности. – Никто, кто честно стремится к этому самопознанию, не может, как человек, сказать сегодня иного, чем следующее: я не могу постичь того, к чему, собственно, я стремлюсь. Моих познавательных способностей недостаточно для осознания того, к чему я стремлюсь: я ощущаю свое бессилие по отношению к этому стремлению. Это переживание означает нечто очень важное. Его должен был бы иметь каждый в процессе этого самопознания, оставаясь честным перед собой – известное ощущение бессилия. Это чувство бессилия является здоровым чувством, так как оно есть не что иное, как ощущение болезни, а человек лишь тогда по-настоящему болен, когда он болен и этого не чувствует. И тем, что ощущают бессилие подняться к Богу в определенный момент своей жизни, чувствуют в себе ту болезнь, о которой я говорил, чувствуют, что она привита нам. И благодаря тому, что ощущают эту болезнь, ощущают, что непосредственно из-за тела, каково оно есть на сегодня, душа осуждена была бы умереть со смертью последнего. И когда достаточно сильно ощущают это бессилие, тогда наступает поворотный момент. Тогда приходит другое переживание, говорящее нам: ведь мы можем, если не ищем помощи у одних только телесных сил, можем, если обращаемся к Духу, преодолеть эту внутреннюю смерть души. Мы получим тогда возможность снова найти нашу душу и связать себя с Духом. Мы сможем тогда вынести ничтожность бытия, с одной стороны, и исходящее от нас самих прославление бытия, когда мы преодолеваем ощущение бессилия. Мы можем ощутить в нашем бессилии болезнь, и мы можем ощутить Спасителя, целительную силу, когда мы чувствуем это бессилие, которое вело бы к смерти в нашей душе. И чувствуя Спасителя, мы чувствуем, что мы несем в своей душе нечто такое, что может воскреснуть из смерти в любое время в собственном внутреннем

переживании. – Если мы ищем этих двух переживаний, мы находим в нашей собственной душе Христа.

Это то переживание, навстречу которому идёт всё человечество. Ангел Силезский говорит об этом переживании полными смысла словами: Голгофский крест спасти тебя не может, Пока в себе его ты не воздвиг В человеке должен быть возведен Крест, тогда он чувствует два полюса: бессилие из-за своей телесности и воскресение благодаря своему духу.

Внутреннее переживание, которое состоит из этих двух состояний, есть то, что ведёт поистине к Мистерии Голгофы. Это является событием, против которого никто не может возражать, ссылаясь на то, что не имеют развитых сверхчувственных способностей. Для этого подобные способности человеку не нужны, а нужно действительно только самопознание и воля к этому самопознанию, а также воля к преодолению того высокомерия, такого распространенного сегодня, которое не позволяет человеку заметить, что когда он полагается на свои собственные силы, он становится высокомерным по отношению к своим собственным силам. Когда человек не может чувствовать из-за своего собственного высокомерия, что он со своими собственными силами беспомощен, тогда нельзя ощутить ни смерть, ни воскресение; тогда не могут прочувствовать сказанного Ангелом Силезским: Голгофский Крест спасти тебя не может, Пока в себе Его ты не воздвиг.

Но тогда, когда могут чувствовать бессилие и преодоление состояния бессилия, тогда, на наше счастье, мы можем действительно почувствовать реальную связь с Христом Иисусом. Ибо это переживание представляет собой повторение того, что мы столетиями раньше переживали в духовном мире. Таким образом, мы должны данное переживание искать в отраженном виде в душе здесь, на физическом плане. Ищите в себе, и вы найдете бессилие. Ищите, и после того, как вы осознаете бессилие, вы найдете спасение от него и обретете воскресение души в Духе.

Однако не дайте смутить себя в этих поисках тем, что проповедуется сегодня мистикой или неким позитивным познанием. Когда Гарнак, например, говорит о Христе, то, что он говорит, не является истиной по той простой причине, что то, что он говорит о Христе (прочитайте это!) можно сказать о Боге вообще! Можно с таким же успехом говорить о Боге евреев, о Боге поклонников Магомета и обо всех других. И многие желающие сегодня быть так называемыми пробужденными, говорят: я переживаю Бога в себе... Однако они переживают только Бога Отца и то в ослабленном виде, так как они, собственно, не замечают, что они больны, и занимаются традиционным повторением. Нечто подобное было, например, с Иоганном Мюллером. Но все эти люди не имеют Христа, так как переживание Христа состоит не из переживания Бога в человеческой душе, а соткано из двух переживаний: из переживания смерти в душе из-за тела и воскресения души благодаря Духу. И тот, кто говорит человечеству, что он не только Бога в себе чувствует (как полагали любящие красное словцо теософы), но говорит также и о двух событиях: о бессилии и о воскресении из бессилия – тот говорит о настоящем переживании Христа. И лишь такой человек находится на сверхчувственном пути к Мистерии Голгофы. Он сам находит в себе силы, которые пробуждают определенные сверхчувственные силы и ведут его к Мистерии Голгофы.

Сегодня поистине нет нужды сомневаться в возможности найти Христа непосредственно из собственного переживания, так как Его находят, если заново нашли себя, выйдя из состояния бессилия. Чувство собственной ничтожности, которое нас охватывает, когда мы думаем о собственных силах без высокомерия, должно предшествовать импульсу Христа. Рассудочно мыслящие мистики считают, что если они просто могут сказать: я имею в своем "я" высшее "Я", я нашел божественное "Я", – то это и есть Христианство. Но это не есть Христианство. Дух Христианства находится в словах: Голгофский Крест спасти тебя не может, пока в себе Его ты не воздвиг.

Можно почувствовать из частных жизни, что я говорю истину, тогда можно будет перейти от этих частных к переживанию бессилия и воскресения из бессилия. Мои дорогие друзья, было бы чудесно, особенно в наше время, если бы люди обнаружили, например, следующее. Совершенно несомненно, что в глубинах человеческой души живет стремление к правде, а также стремление высказывать правду. Но как раз когда мы в этом внутреннем стремлении желаем высказать правду начинаем затем размышлять об этом высказывании правды, тогда мы можем сделать первый шаг на пути к осознанию бессилия человеческой телесности по отношению к Божественной правде. В то мгновение, когда вы действительно занимаетесь подлинным самоосознанием через высказывание правды, вы приходите к чему-то совершенно странному. Поэт (Friedrich Schiller, «Tabulae votivae») почувствовал это, сказав: Spricht die Seele, so spricht, ach! schon die Seele nicht mehr. Когда душа так говорит, То ах, душа уже не говорит.

То, что выходит вовне, становясь речью, из переживаемого правдиво внутри души, притупляется. Душевно пережитое убивается в речи ещё не полностью, но оно притупляется. И тот, кто знаком с речью, тот знает, что имена собственные, указывающие всегда только одну вещь, являются правильными обозначениями для этой вещи. Как только у нас появились обобщенные имена, будь то имена существительные, глаголы или имена прилагательные, то, что мы говорим, не является полной истиной. Дело заключается в том, что мы осознаем то, что мы, в сущности, с каждым высказываемым предложением отклоняемся от истины.

Духовнонаучно мы пытаемся возродиться из следующего признания: «Каждым утверждением ты говоришь неправду», действуя при этом определенным образом, который я вам часто характеризовал. Я часто говорил вам: «Не столь важно в духовной науке то, что говорится – поскольку это столь же подпадет под приговор бессилия – но дело в том, как это говорится. Попытайтесь однажды проследить мысленно (это можно проследить в моих сочинениях) как каждая вещь описывается с самых различных точек зрения, как всегда делается попытка охарактеризовать вещь с одной и с другой стороны. Только в этом случае можно приблизиться к пониманию вещей. Тот, кто верит, что слова представляют нечто иное, чем эвритмию, тот очень ошибается! Слова являются лишь извлеченной гортанью и при содействии воздуха сотворенной эвритмией. Они лишь жесты, однако создаются не при помощи рук и ног эти жесты, а гортанью. Мы должны осознать, что мы в речи только намекаем на нечто определённое, и что только тогда получаем верное понимание истины, когда в слове видим намёк на то, что мы хотим выразить, и когда мы как люди живем друг с другом так, что осознаём: в словах живут

намек. На это хочет, между прочим, указать эвритмия, которая делает всего человека гортанью, то есть выражает посредством всего человека то, что обычно выражается только гортанью, чтобы люди снова почувствовали, что когда они говорят, они тем самым создают жесты. Я говорю "Отец", я говорю "Мать": когда я пользуюсь общими понятиями, я смогу только тогда истинным образом выражать себя, когда другой человек, находясь вместе со мной в социальной среде, свыкся с этими вещами, когда он понимает жесты. Только тогда мы возрождаемся из бессилия, ощущаемого уже в речи, и празднуем повсюду воскресение, когда мы понимаем, что в то время как мы открываем рот, мы уже должны быть Христианами. То, что создается из Слова, из Логоса в процессе развития, это только тогда понимается, когда Логос снова связывают с Христом, когда мы осознаем: наше тело, становясь орудием речи, "вынуждает" истину отчасти замереть на губах - и мы оживляем её снова во Христе, осознавая, что должны одухотворить её, то есть пронизать её Духом - не мириться с речью как таковой, но пронизать её Духом. Этому мы должны научиться, мои дорогие друзья!

Я не знаю, позволит ли завтра время публично остановиться также на такой теме. Я бы это охотно сделал, но хочу сначала высказать это здесь. Если я завтра должен буду повторить это ещё раз, пусть это вам не мешает. Я хочу сначала здесь сказать то, что я прежде в разных местах публично говорил. Видите ли, можно сделать удивительное открытие. Я хочу охарактеризовать это в одном особом случае. Я достаточно хорошо изучил действительно очень интересные статьи, написанные Вудро Вильсоном, лекции об американской истории, американской литературе, американской жизни. Можно сказать, что Вудро Вильсоном великолепно, мощно описана картина развития Америки, как это "продвигалось" с американского Востока на Запад. Он пишет совершенно как американец, и эти лекции, заново переработанные в статьи, действительно очень привлекательны, просто литература (*Mere Literature and Other Essays*) названы они. Посредством того, что читают эти статьи, можно изучить американский характер, ибо Вудро Вильсон является самым типичным американцем. Далее я сравнил (следует делать сравнение совершенно объективно) многое в статьях Вудро Вильсона с изречениями, например, Германа Гримма, человека, который является насквозь самым типичным немцем XIX столетия, типичным жителем Средней Европы XIX столетия; этот человек своей манерой письма представляется мне симпатичным, тогда как Вудро Вильсон мне совершенно не симпатичен. Однако это, замечу мимоходом, чисто личное отношение. Мне нравится литературный стиль Германа Гримма, и я ощущаю какое-то внутреннее сопротивление по отношению к литературному стилю Вудро Вильсона - но при этом следует, между прочим, быть объективным: типичный американец Вудро Вильсон пишет совершенно блестяще, великолепно, особенно о развитии американского народа. - И затем мне предстало нечто иное, когда я сравнил статьи Вудро Вильсона и Германа Гримма о методе истории. Можно взять предложения, написанные Вудро Вильсоном, и убедиться, что они звучат совершенно также, почти дословно с предложениями, написанными Германом Гриммом. Можно взять предложения, написанные Германом Гриммом, и перевести их в такие же предложения, написанные Вудро Вильсоном - они звучат совершенно одинаково. Всякий плагиат исключен! Ведь речь идет совсем не о том, что я намекаю на плагиат: это совершенно исключено. Здесь намечается опасная ситуация. Чтобы не впасть в буржуазность, филистёрство, следует понять: когда двое говорят одно и то

же, это не есть одно и то же! – Возникает проблема: что же это за странность, что Вудро Вильсон описывает своих американцев куда более убедительно, более реалистично, нежели делает это, описывая по своему методу историю, Герман Гримм, хотя Вудро Вильсон в своём описании говорит теми же словами, что и Герман Гримм? Почему это происходит? Это действительно становится проблемой.

Теперь находят, сталкиваясь с подобными вещами, следующее. Изучая стиль Германа Гримма, замечают: каждое предложение обрабатывается индивидуальным образом: каждое предложение говорит об индивидуальной личности! Через всё это проглядывает культура XIX века, но непосредственно из самой души сознательной. Вудро Вильсон пишет блестяще, однако он одержим чем-то в своем подсознательном. Здесь налицо демоническая одержимость. В его подсознательном находится нечто, внушающее ему то, что он пишет. Демон, который появился в американце XX столетия, говорит через его душу. Отсюда великолепие, сила!

Сегодня, когда ленивое человечество так часто говорит, прочтя что-нибудь: я это там-то и там-то прочёл, человечество стремится оценить только содержание. Однако теперь мы живем в такое время, когда нужно научиться понимать, что мало что зависит от содержания, а зависит от того, кто это говорит; нужно узнавать человека по тому, что он говорит, так как слова суть жесты, и нужно знать, кто создает эти жесты. И в это-то человечество должно вжиться. Здесь, в самой обычной жизни, кроется грандиозная во всех отношениях мистерия, мои дорогие друзья. Существует различие в том, завоёвываю ли я своим Я предложение за предложением, или они внушаются мне каким-либо образом со всех сторон. Гипнотизер, например, действует внушением, так как он должен отстаивать то, что он сам внушает. И приближается время, когда не будут всматриваться только в голое словесное содержание того, что стоит перед душой, а будут всматриваться, прежде всего, в тех, кто произносит то или иное, будут обращать внимание не на внешнюю физическую личность, а на всю совокупность человечески-душевных взаимосвязей.

Когда люди сегодня спрашивают: Как мне найти Христа? - тогда необходимо дать следующий ответ. Христос постигается не каким-либо мудрствованием и не удобной мистикой, а тогда, когда имеется духовное мужество непосредственно поставить себя в жизни. И в этом случае вы должны почувствовать бессилие также и относительно речи, бессилие, в которое вас приводит ваше тело, поскольку оно есть носитель речи. И только после этого может наступить воскресение Духа в Слове. Вот в чем дело. “Буква мертва, Дух животворит” – это выражение часто неправильно понимается. Уже звук может мертвоить. Дух должен снова оживать тем, что люди связывают себя конкретно с Христом и с переживанием Мистерии Голгофы. На этом первом шаге находят Христа: если где-то стоят прекрасные слова, смотрят не на содержание слов (сегодня люди привыкли это делать), а ищут человеческие взаимосвязи, всматриваются, как слова выходят из уст, которые их произносят. Это становится всё более и более важным. Если бы некоторые среди нас осознали это, мы бы не слышали так часто: такой-то рассуждает совершенно антропософски или теософски, почитайте вот это. – Это зависит не от того, что за слова стоят, а каким Духом они сказаны. Антропософия занимается не распространением слов, а распространением нового Духа, того

Духа, который должен быть Духом Христианства XX века. Что, мои дорогие друзья, хотел бы я добавить. Я счастлив, что смог изложенное здесь связать с тем, о чём я уже говорил неделю назад, и что я мог говорить об этих касающихся всех нас вещах. Я надеюсь, что мы в самое ближайшее время сможем здесь, в Цюрихе, снова продолжить эти рассуждения в нашей ветви. В этом смысле мы всегда думаем, даже будучи пространственно отделенными друг от друга: Мы, как антропософы, душевно находимся вместе, и в этом смысле мы хотим всегда, будучи верными Духу, который должен править и действовать в человечестве, оставаться рядом друг с другом.